

отрицательных результатов, — мы сочли своей обязанностью предупредить товарищей.

14. Что касается выдвинутых против Рощина фактических данных, то основанием их служат свидетельские показания ряда наших товарищей, некоторые из коих известны своей работой в анархическом движении, начиная с 1905–6 годов.

Так, тесное сотрудничество Рощина с советской властью и принятие им на себя секретных и ответственных поручений последней весной 1910 г. неопровержимо устанавливается данными товарища П. Аршинова, которого в неточности или в пристрастии никто, — в том числе и Рощин, — обвинить не может. <...>

Анархизм и диктатура пролетариата (Доклад Конференции анархо-комм. Групп Сев. Америки и Канады)

Предисловие

Со времени выхода в свет «Организационной платформы» (1926 г.)¹, на меня с разных сторон посыпались обвинения в стремлении большевизировать анархизм, подменить его безвластную природу властническими положениями. «Дело труда» — орган, взявший на себя миссию подвести под анархизм классово-пролетарскую и революционную базу и стремившийся создать на этой базе рабочую анархо-коммунистическую партию, рассматривался большинством старых анархистов, как орган политического, т. е. государственного анархизма.

За пять с лишним лет редактирования мною «Дела труда» (с 1925 по 1930 г.) расхождения между мною и традиционной анархической средой достигли крайней степени. Они касались, главным образом, вопроса диктатуры пролетариата в переходный период. На почве этих расхождений в некоторые страны (Испания, Болгария) было дано предупреждение не печатать мои статьи, как развивающие идею пролетарского государства. Ряд товарищей потребовали от меня объяснения, дабы широкая анархическая среда точно знала существо поднятого мною спора и не питалась бы отрывочными заметками или разными ложными слухами.

Всё это, а также мои теоретические и практические заключения, выведенные из анализа анархического движения разных стран, вынуждают и обязывают меня открыто выступить перед анархической средой с моим мнением по вопросу о диктатуре пролетариата в революции.

П. А.

Критикуя проект Организационной Платформы, выпущенный нами в 1926 г., Энрико Малатеста, между прочим, писал: «Этим товарищам не дают покоя успехи большевиков в их стране; они хотели бы, на подобие большевиков, соединить всех анархистов в своего рода дисциплинированную армию, которая, под идеологическим и практическим руководством нескольких вождей, пошла бы компактной массой на штурм существующего капиталистического строя и которая, победив физически, руководила бы строительством нового общества».

Малатеста жестоко ошибся, объясняя партийной завистью мои попытки создать анархическую партию и направить анархическое движение в русло активной классовой борьбы и классовой пролетарской революции. В 1927 г. он счел возможным упрекнуть нас в поспешности в деле социальной революции. Между тем, идея соц. революции, как практическая задача дня, свыше полувека тому назад была выдвинута Бакуниным, поддержана затем Кропоткиным и другими революционными анархистами. Анархизм в *рабочих массах* вырос именно на идее социальной, т. е. окончательной и последней революции, которая приведет к окончательной развязке спор между трудом и капиталом. Не будь у анархизма этой идеи, не было бы и рабочего анархизма, как одной из форм революционного движения пролетариата. Была бы незначительная каста анархистствующих литераторов или философов.

Смешно и глупо, поэтому, говорить о какой то зависти там, где вопрос шел о жизни и смерти социальной революции и о нашей роли в ней. <...>

Как понимали рабочие анархизм и что они ждали от него? Прежде всего, рабочие видели в анархизме революционное учение, разоблачавшее до конца ложь буржуазного парламентаризма и звавшее массы к непосредственной и решительной борьбе с капиталистическим строем. Их привлекала в ряды анархизма резкая критика буржуазно-капиталистического об-

щества, критика его государства и лживой морали демократии. Привлекала их идея свободной личности труженика, которая лишь при коммунистическом обществе сможет получить необходимые условия для своего полного и интегрального развития. Но, главное, что они больше всего ценили в анархизме, — это его боевые призывы к ниспровержению буржуазии, к социальной революции. Потому они и шли к анархизму, что узко-политическая программа социал-демократии не удовлетворяла их революционных порывов, разочаровывала и отталкивала их. В анархизме они видели выражение подлинно-революционной воли пролетариата. Осуществление этой воли они видели в ниспровержении классового капиталистического строя и замене его анархо-коммунистическим обществом. Как это должно было произойти, — об этом анархисты того времени писали мало. Разумелось, что если революция охватит широкие массы рабочих и крестьян и пойдет по анархическому пути, то буржуазный строй без труда будет низвергнут и на его месте революционные массы создадут новый коммунистический строй.

Горя страстным желанием победить и царизм и буржуазию, рабочие-анархисты массами гибли в революции 1905–6 гг. от рук врага. Это свое страстное желание они пронесли через годы реакции, последовавшей за разгромом революции, и с этим же желанием они вступили в революцию 1917 г. И, странно слышать, как теперь, в 1927 г., один из ветеранов международного анархизма — Э. Малатеста заявляет о нашем «нетерпении», о нашей «зависти» к большевикам. Думать и говорить так, — значит не знать, чем рабочие больше всего жили, находясь в рядах анархизма. И этим незнанием и непониманием болеет не только Малатеста, но большинство теоретиков современного анархизма.

В 1926 году, стремясь подвести организационную базу под распадавшееся во всех странах анархическое движение, мы предложили Организационную Платформу. На основе рабочих советов, профсоюзов и кооперации, мы стремились обосновать конструктивный анархизм. На основе однородной программы, единой идеологии и единой тактики мы стремились объединить анархические силы в обще-анархическую организацию — рабочую анархо-коммунистическую партию. И почти все видные работники русского и международного анархизма отнеслись к нашему предложению сугубо отрицательно.

Каковы же мотивы такого отношения?

Боязнь организованности, боязнь коллективного действия и коллективной ответственности в революции и затем боязнь классовости — вот что толкало руководителей анархизма отвергнуть наш организационный план. По поводу этого плана высказались и Луиджи Фабри, и Себастьян Фор, и Макс Неттлау, и Малатеста, и Волин и М. Корн, и многие другие теоретики анархизма. Все они сходились на отрицании классовости в анархизме, на общечеловеческом характере последнего. В рассуждениях всех их по поводу Платформы звучат не пролетарско-революционные ноты, а — наоборот — ноты упадническо-демократические, в которых выражен разрыв с революционно-классовым началом.

Разрыв между анархизмом и реальными потребностями революции произошел давно и последнее десятилетие достиг катастрофических размеров.

Русская революция 1917 г. явилась первым генеральным испытанием для анархизма. Из области общих лозунгов социальная революция вступала в область практического осуществления. Необходимо было претворять ее в плоть и кровь. Необходимо было ответить на жгучие вопросы «сегодняшнего» и «завтрашнего» дня социальной революции. Необходимо было указать ближайшие этапы ее развития. Необходимо было предложить конкретный план ее осуществления и укрепления. Всё это необходимо было тем более сделать, что в 1917 году народилась новая сила, поставившая социальную революцию в порядок дня — большевизм. Последний выдвинул свою формулу социальной революции, которая во многом отличалась от формулы традиционного анархизма. Спор между анархизмом и большевизмом пошел о *путях революции*, о методах ее осуществления и защиты. И я считаю, что именно на этой почве анархизм понес жестокое поражение, от которого никак не может оправиться и последствием которого является упадок анархического движения по всех странах.

В самом деле, — большевистская формула социальной революции, изложенная в брошюре Ленина «Государство и Революция», — чрезвычайно проста и ясна: капиталистические классы и их государство ниспровергаются, собственность их отбирается в общенародное достояние, но физически и социально эксплуататорские классы остаются со всей силой своего сопротивления, со своими стремлениями и попытками реставрировать низвергнутый капитализм. Для подавления этого сопротивления и этих попыток победивший в революции рабочий класс создает систему

диктатуры, которая защищает революцию на весь период социалистического строительства, вплоть до момента, когда буржуазия перестанет существовать как класс.

Эту формулу социальной революции анархисты отвергли. Они исходили из той мысли, что создание в революции диктатуры, как государственной системы рабочего класса, неизбежно приведет к делению самого рабочего класса на властвующих и подчиненных, вызовет к жизни привилегии и монополии и возродит, таким образом, прежний строй политического и социального неравенства, против которого боролся поработанный рабочий класс.

Формула революции, выдвинутая анархистами, сводилась в общих чертах к следующему: рабочий класс и крестьянство совершают социальную революцию. Под руководством своих экономических организаций они создают социальный порядок, построенный на началах товарищеского сотрудничества и направленный к полному коммунизму. Какое бы то ни было общественное и государственное насилие в этом строе не может иметь места даже в отношении вчерашних классовых врагов. Насилие может быть употреблено лишь в *процессе борьбы* с врагом, явно нападающим на революцию, но для таких случаев не нужно создавать никаких постоянных органов защиты революции, вроде государства, армии и т. п. Если, например, низвергнутые господствующие классы прибегнут к заговору и нападению на революцию, то рабочие и крестьяне организуют революционную самооборону *на местах* и справятся с любым заговором, с любой опасностью, не прибегая к органам государственной власти. Анархисты стремятся к безвластному обществу и это безвластное общество они должны строить безвластными методами, не допуская насилия даже в отношении низвергнутых эксплуататорских классов.

Таков анархический план социальной революции, который и до сих пор остается неизменным для подавляющего большинства анархистов всех стран.

Но еще в 1917 г. мы сознавали недостаточность этого плана. Теперь, по прошествии 14-ти лет после низвержения капитализма в России, обнаруживается полная его несостоятельность, утопичность и химеричность. То ожесточенное сопротивление, которое в течение всех этих лет капиталистические классы оказывали социальной революции в России, говорит, что революционное

низвержение буржуазии далеко еще не означает окончательной победы труда над капиталом. За *низвержением* буржуазии следует ее *бешенное* наступление на революцию, и вопрос заключается в том, как удержать *низвергнутые* эксплуататорские классы в железных руках пролетариата, дабы спасти революцию от возможного разгрома и избежать несколько лишних лет гражданской войны. <...>

Основная и роковая ошибка анархизма состоит в неправильном понимании им природы нынешнего классового общества, главным образом, в неправильном понимании классовой природы буржуазии. А отсюда у анархистов неправильное представление о сопротивляющейся силе буржуазии и далее, — неправильная и недостаточная тактика в борьбе с этой буржуазией за новый пролетарский мир.

Господствующий класс капиталистического общества вырос и живет исключительно на основе порабощения и эксплуатации широких масс труда. <...> Буржуазия мобилизует все свои силы для разгрома победившей революции. Она будет неистощима в придумывании различных средств нападения на пролетариат. Она не откажется ни от одной возможности взорвать революцию. К ее услугам будет не только международный, но и внутренний капитал, который в разных формах и разными путями будет собираться в руках буржуазии. Наступающая контрреволюция прибегнет к крайним мерам борьбы, — к физическому истреблению передовых частей пролетариата, к лжи и провокации, используя при этом лжесоциалистические идеи оппортунистических социалистов.

Серьезных революций без контрреволюций не бывает. Самая ожесточенная контрреволюция будет та, которую организует капиталистическая буржуазия против победившего пролетариата. Строй пролетариата, на другой день после социального переворота неминуемо окажется осажденной крепостью, которую местная и международная буржуазия подвергнет ожесточенной атаке. <...>

Можно ли в таких условиях или в предвидении таких условий говорить о бесклассовом обществе на другой день социального переворота? Безусловно, нет. На другой день переворота, хотя и социального, классы останутся, хотя этого анархисты или нет. Останется и классовая борьба.

Анархическое безвластие в этот момент будет использовано буржуазией в целях организации своих сил для разгрома рево-

люции. Пролетариат России это чуял, поэтому он, в огромной массе своей, пошел не за анархистами, а пошел по пути организации классового господства труда над капиталом. И теперь, в свете протекших 14-ти лет постоянных нападений на русскую революцию и организованного отражения этих нападений, мы видим, что он был вполне прав.

Итак, анархический тезис безвластия на другой день социального переворота оказывается ошибочным, противоречащим делу успешного завершения классовой борьбы, после социального переворота.

Учитывая всю силу наступления эксплуататорских классов на революцию, революционный пролетариат должен будет с первого же дня переворота создать предупредительную систему защиты революции. Эта система может быть выражена только в форме диктатуры пролетариата. <...>

Многие анархисты утверждают, что идея диктатуры пролетариата противоречит анархизму. Но мы видели, что в период ломки старого строя и построении нового, диктатура пролетариата неизбежна. К ней пролетариат вынужден будет прибегнуть под угрозой контрреволюции буржуазии. Если пролетариат не установит своевременно системы своей диктатуры, то буржуазия установит диктатуру над пролетариатом. Иного выхода нет. Революционный анархист не должен отступать перед тем фактом, что система диктатуры означает систему власти и, следовательно, противоречит анархической теории безвластия. Следует всегда помнить о том, что и самые лучшие теории должны проходить через контроль жизни. Анархическая теория бесклассового и безвластного общества на другой день социального переворота потерпела полное поражение, и в этом надо открыто сознаться. В споре о роли *пролетарского государства* в революции прав оказался Маркс и Ленин, а не Кропоткин. Должно, однако, заметить, что и Кропоткин к идее пролетарского государства, в том смысле, как эту идею разработал Ленин в брошюре — «Государство и Революция» — относился, по свидетельству Вл. Бонч-Бруевича, сочувственно*.

Что касается Бакунина, то мысль о революционной (пролетарской) диктатуре и ее необходимости он не раз высказывал

* См. об этом — «Мои воспоминания о П. А. Кропоткине» Бонч-Бруевича, напечатанные в № 4 и 5-м журнала «Звезда», за 1930 год.

в своих произведениях, между прочим, в «Революционном катехизисе». А как революционный практик, понимавший обстановку и условия революционной борьбы, не останавливался перед осуществлением ее на практике, конечно, к ограниченным размерам революционных групп. Но не надо забывать, что в годы Бакунина масштаб и характер революционной борьбы были не те, что теперь, и проблема пролетарского государства, как метода защиты социальной революции, тогда еще не определилась так неотступно-жгуче, как в наши дни.

Современные анархисты в массе своей отказались признать эпоху диктатуры пролетариата, как историческую неизбежность. Этим они оторвали себя от процесса социальной революции и обрекли на бесплодное прозябание в своих малочисленных группах. Это отчетливо видно на судьбе русских анархистов. Несмотря на их самоотверженность, на бесчисленные жертвы, понесенные ими в революциях 1905–1906 гг. и в 1917 г., несмотря на необычайный революционный подъем рабочих и крестьян, устремлявшихся к социальному перевороту, русские анархисты не создали ни в рабочей, ни в крестьянской среде сколько-нибудь прочного анархического движения, не оставили следов своих идей.

Встав в оппозицию к идее диктатуры пролетариата, они не противопоставили этой идее ничего самостоятельного и серьезного, что могло бы организовать массы на анархической платформе и повести их по анархическому пути. И не удивительно: даже между собою анархисты никогда не могли договориться до чего-либо определенного и однородного ни в идеологической, ни в практической области. <...>

Причиной слабости и неуспеха анархизма в социальной революции было:

1) Отсутствие у анархистов правильного представления о классовой структуре капиталистического общества, следовательно, отсутствие у них классового подхода и классово-революционного метода в отношении этого общества; 2) отсутствие у анархистов общей идеологии и тактики, общей практической программы, и 3) отсутствие у них общей организации.

Без ясно выраженной цели, без программы, без разработанных путей революции и без общей организации, анархизм, естественно, должен был понести поражение в борьбе, где решалась судьба двух миров — старого и нового. И эта участь ждет анархизм во всех прочих странах, поскольку анархисты не освободятся

от ошибочных положений по важнейшему вопросу о роли пролетарского государства в переходный от капитализма к коммунизму период.

Прошло 14 лет со времени поражения анархизма в России. И за это время анархисты не только не поправили своих позиций, но, наоборот, — еще более их ухудшили, потеряв ту степень революционности и классовости, которую анархизм имел в дни октябрьского переворота. Это особенно видно на их отношении к советскому строю в СССР. Мне неоднократно приходилось писать и говорить о том, что анархическая критика советского строя и социалистического строительства в СССР *всегда должна носить* революционный, *подлинно-социалистический* характер и не имеет ничего общего с критикой, которую ведут враги социальной революции. Между тем, многие видные анархисты к критике советского строя подходят с точки зрения буржуазной демократии. Последняя для них несомненно является более близкой общественной формой, нежели строй рабочего государства. Укажем, например, на М. Неттлау. В своих «Впечатлениях в революционной Испании», он прямо заявляет, что общественными событиями, имевшими прогрессивное значение для человечества, были: — «Русская мартовская революция 1917 г., революционные события 1918–1919 гг. в центре Европы и великая перемена в Испании 1931 г., в апреле-месяце».

Революции со «специальными социальными целями», т. е., классовые революции, он отвергает как приводящие к диктатуре. Такими революциями он считает Парижскую коммуну в марте 1871 г. и Октябрьскую революцию в России в 1917 г.*

Из уст авторитетного анархиста, имеющего международное значение, мы слышим осуждение классовой пролетарской революции и похвалу общенациональной, т. е. буржуазной революции. В другом месте, протестуя против диктатур, в частности, против диктатуры большевизма в СССР и против возможной диктатуры социал-демократии в Зап. Европе, он пишет: «Нет никакого выхода из этого положения, кроме разумного и честного соглашения между всеми сторонниками недиктаторских, свободных и добровольческих форм социализма, анархизма, социал-реформизма»**. Здесь мы имеем проповедь соглашения

* «Рассвет».

** «Пробуждение» № 11.

с социалистами и социал-реформистами, направленного против революционной диктатуры рабочего класса во имя буржуазной демократии.

М. Неттлау не один. Наоборот, анархистов с подобным уклоном становится все более и более. И эта эволюция в сторону буржуазной демократии не случайна. Она проистекает из того, что международный анархизм в эпоху социальной революции не смог запечатлеть определенных революционных позиций, которые позволили бы пролетариату одержать победу над буржуазией. Состояние беспочвенности и бездорожья в такой ответственный момент расплыло волю анархистов и толкнуло наиболее слабые натуры вправо от линии суровой борьбы за социальную революцию.

Характерным для состояния беспочвенности и бездорожья является последний конгресс Французского Юниона ан.-ком., состоявшийся 17–18 окт. 1931 г. Все заседания конгресса были посвящены частью выяснению того, что можно считать принципами анархизма, а частью вопросам внутреннего строения Юниона, амнистия и отношению анархистов к синдикализму и кооперации. Вопрос о революционной классовой борьбе, с характере грядущей революции и ее путях, совсем не был затронут. И это в эпоху социальной революции, в дни, когда в борьбе труда с капиталом мир шатается!

* * *

Подобно русскому анархизму, несет поражение и анархизм в Испании, но размеры этого поражения значительно крупнее и последствия его более катастрофичны для всего международного анархизма.

Свое поражение в России анархисты могли оправдывать слабой подготовленностью в предреволюционный период, слабой организованностью своих рядов и затем репрессиями государственной власти, хотя, как мы видели выше, главная причина неуспеха анархизма в России лежала не в этом, а в нем самом.

Испанский анархизм в оправдание своего бессилия не может привести этих доводов. <...>

* * *

Не будем осуждать прошлое рабочего анархизма. Находясь в рядах анархизма, рабочие анархисты, как испанские, так и *рус-*

ские, — вторые особенно в период борьбы с царизмом, сослужили определенную службу делу освобождения рабочего класса. Они бросили вызов капитализму, разоблачили ложь и лицемерие буржуазной демократии, указали пролетариату путь прямой, непосредственной борьбы с капитализмом, шли в первых рядах этой борьбы, жертвуя своей свободой и своей жизнью. Революционный пролетариат это ценил и этого не забудет. Но подойдя к высшей и наиболее критической стадии социальной борьбы — к задаче создания пролетарского социалистического строя, анархисты оказались бессильными практически разрешить эту задачу, ввиду противоречия идеи анархического безвластия с железной необходимостью властно подавлять классовых врагов пролетариата и властно защищать строй пролетарского социализма.

Резюмирую:

Дабы и на высшей, критической стадии социальной революции остаться подлинными и полными революционерами, анархистам необходимо преодолеть указанное противоречие, т. е. им необходимо признать исторически неизбежной и необходимой эпоху диктатуры пролетариата. Им необходимо в то же время радикально *изменить* свое отношение к пролетарскому государству СССР, которое является зародышем нового мира — мира освобожденного труда. Они должны вступить в тесный контакт с этим государством и помогать ему в его борьбе с темными силами старого мира и в построении нового социалистического общества.

Октябрь 1931 г.

